

или обшивкою, въ которой по ту и другую сторону былъ вложенъ камень ониксъ, на которомъ были вырѣзаны имена колѣнъ Израиля, по порядку ихъ рожденія, по шести колѣнъ на каждомъ драгоценномъ камнѣ ⁶⁾. На мѣстѣ, гдѣ оканчивались парамники, проходилъ поясъ (choscheb arpheda Исх. 28, 8) такой-же матеріи и такой-же работы; поясомъ плечная одежда прикрѣплялась къ тѣлу (Исх. 28, 6—12, 39, 2—7) ⁶⁾. По верхъ ефода на груди надѣвался с) *хошенъ, наперсникъ* (choschen переведено у LXX ἄρσενον, въ Вульгатѣ, rationale по его этимологическому значенію, у Лютера Schildlein) ⁷⁾, сдѣланный изъ той-же самой матеріи и тою же искусною работою, какъ и ефодъ, и сложенный вдвое; слѣдовательно это былъ квадратъ, образующій родъ мѣшечка, длиною въ пядь или въ малый половинный локоть, при такой-же ширинѣ. На лицевой сторонѣ его находилось двѣнадцать вправленныхъ въ золото и раздѣленныхъ на четыре ряда драгоценныхъ камней, на которыхъ были вырѣзаны имена двѣнадцати колѣнъ Израиля ⁸⁾. По четыремъ угламъ наперсникъ былъ снабженъ золотыми кольцами. Въ два верхнія кольца были вдѣты свитыя изъ золотой проволоки, подобно шнуру, цѣпочки, имѣвшія на своихъ наружныхъ концахъ золотыя запонки, которыми онѣ прикрѣплялись вверху къ лицевой сторонѣ парамника ефора. Въ два нижнія кольца вдѣты были іадинтовые шпурки, концы которыхъ привязаны были къ другимъ двумъ кольцамъ, для этой цѣли прикрѣпленнымъ на парамникѣ ефода, у соединенія его съ поясомъ ефода; такимъ образомъ хошенъ плотно примыкалъ вверху и внизу къ ефоду, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ груди, и не могъ передвигаться, такъ какъ вскозь отъ него проходили цѣпочки и ленты по противоположнымъ направленіямъ (Исх. 28, 13—28. 39, 8 21). На хошенѣ были *уримъ* и *туммимъ* (haurim vehathumim), которыя должны были быть у сердца Аарона, когда онъ входилъ предъ Іегову (Исх. 28, 30). Но въ чемъ состояли уримъ и туммимъ (LXX δῆλωσις καὶ ἀλήθεια, Лю-

теръ Licht und recht), объ этомъ уже Иосифъ, Филонъ и раввины ничего вѣрнаго не могли сказать ⁹⁾. Въ Ветхомъ Заветѣ они нигдѣ не описаны подробно, а изъ Исх. 28, 30 и Лев. 8, 8 видно только то, что они были чѣмъ то матеріальнымъ, что только, по приготовленіи и надѣваніи хошена, вкладывались въ него, образуя медіумъ, помощью котораго первосвященникъ въ важныхъ обстоятельствахъ еоократіи могъ вопрошать волю Іеговы (Числ. 27, 21), почему наперсникъ называется также choschen hammischpath λογῆτον τῆς κρίσεως (LXX), rationale judicii (Вулг.), Amtsschildlein (Лют.).

а) Головнымъ украшеніемъ первосвященника служилъ родъ чалмы (mitznepheth отъ tzanath обвивать, обвязывать), которая по Иосифу и Филону состояла изъ обыкновенной священнической митры и намотанной на ней повязки гіацинтоваго цвѣта ¹⁰⁾. Спереди на митрѣ надъ лбомъ первосвященника была діадема (tzitz или pezen) изъ чистаго золота, т. е. тонкая золотая дощечка, на которой были вырѣзаны слова: godesch jajhova, *святѣица Іеговы*, и которая прикрѣплялась гіацинтовымъ шнуркомъ (Исх. 28, 36—38. 39, 30 г.).

Кромѣ этой обыкновенной одежды, первосвященникъ имѣлъ еще простое священное одѣяніе, состоящее изъ священническаго хитона (kethoneth), панталонъ (miknasim), пояса (abnet) и чалмы (mitznepheth) изъ бѣлой выбойки (kad); въ этой одеждѣ онъ приносилъ жертву грѣха въ день очищенія и входилъ во святое святыхъ (Лев. 16, 3. 4). ¹¹⁾.

²⁾ Сравните съ льняными бронями египтянъ, которыя славились въ древности своимъ весьма искуснымъ тканьемъ и золотою вышивкою; см. Генстенберга, die BB. Moses und Aegypten стр. 143 sg.

³⁾ О виссонѣ, который прибавляетъ сюда Бэръ (II, стр. 99), библейскій первоисточникъ ничего не говоритъ; ср. Исх. 28, 33 и 39, 24.

4) Раввины единогласно утверждают, что гранатовыя яблоки были снабжены цвѣточными вѣнчиками, слѣдовательно онѣ не были вполне зрѣлыми гранатовыми яблоками. Число ихъ и число колокольчиковъ не опредѣлено въ законѣ. Многіе христіанскіе ученые простираютъ число послѣднихъ до 72, Климентъ алекс.—до 365, Евангеліе Іакова и Іустинъ мученикъ—до 12. Ср. Брауна *vestit. sac.* p. 436—64 и Бэра, *Symb.* II, стр. 97 sg.

5) Но Іосифу на правой сторонѣ были вырѣзаны имена старшихъ сыновей Израиля.

6) Ср. Браун. I. c. p. 463 sgg. и Бэра II, стр. 101 sgg.

7) Относительно различныхъ производствъ и значенія слова *choschen* ср. Брауна p. 590 sgg. Изъ новѣйшихъ Кестеръ (*Erläuterungen* т. е. *Schr.* стр. 215 d.) и Винеръ (въ его *Lexic.*) переводятъ его чрезъ *украшеніе* по арабскому корню, а Евальдъ (*Alterthümer* стр. 337) считаетъ *choschen* за измѣненное *chosen*, *хранилище*, *мѣшокъ*.

8) Порядокъ драгоценныхъ камней указанъ въ Исх. 28, 17—20. 39, 10—13; но, такъ какъ древніе очень не точны въ названіи и описаніи драгоценныхъ камней, то и объясненіе ихъ затруднительно. Въ первомъ верхнемъ ряду находились: *odem*, LXX *Σάρδιον* т. е. сердоликъ, *pitdah*, топазъ, *barselth*, смарагдъ; во второмъ ряду: *porhek*, *ἄσθραξ* т. е. карбункулъ, вѣроятно индійскій рубинъ, *sapir*, сапфиръ, *jahalom*, у большей части древнихъ переводовъ: ониксъ. родъ халцедона, по Лютеру алмазъ; въ третьемъ ряду: *leschen*, по LXX, Вульг. и Іосифу *λιγύριον* т. е. іаціантъ, *schbo*, по LXX, Вульг. и Іосифу агатъ, *aschlamah*, по LXX, Вульг. аметистъ; въ четвертомъ ряду: *tharschisch*, по LXX хризолитъ, *schoham*, у LXX бериллъ, по другимъ сардониксъ или ониксъ, *jaschpeth*, по LXX, Вульг. ясписъ. Ср. Брауна I. c. II, с. 8—9 и Винера, R. W. Art. Edelsteine.—Относительно порядка вырѣзки именъ 12 колѣнъ раввины разногласятъ. Но большая часть ихъ стоятъ за старшинство сыновей Израиля (ср. Браун. I. c. p. 491 sgg. и 588, почему и порядокъ именъ ихъ опредѣляютъ такъ:

*

<i>Левій</i>	<i>Симеонъ</i>	<i>Рувимъ</i>
<i>Смарагдъ</i>	<i>Топазъ</i>	<i>Сердоликъ</i>
<i>Нефбалимъ</i>	<i>Данъ</i>	<i>Иуда</i>
<i>Ониксъ</i>	<i>Сапфиръ</i>	<i>Карбункулъ</i>
<i>Иссахаръ</i>	<i>Ассиръ</i>	<i>Гадъ</i>
<i>Аметистъ</i>	<i>Агатъ</i>	<i>Гіацинтъ</i>
<i>Веніаминъ</i>	<i>Іосифъ</i>	<i>Завулонъ</i>
<i>Иснисъ</i>	<i>Берилъ</i>	<i>Хризолитъ.</i>

⁹⁾ Различныя мнѣнія см. у Буксторфа: *hist. Urim et Thummim* въ его *exercitab. p. 267 sgg.*, у Спенсера, *de legibus Hebr. rit. III, diss. 7 de Urim et Thummim, p. 920 sgg.*, Брауна, *vestit. sac. II, c. 20*, Каризов. *apparat. p. 75 sgg.* Заальшутца въ *Illgen's hist. theol. Abhandlungen III. Лейпц. 1824* и Винера *R. W. II. стр. 645 sgg.*—Вообще ихъ можно раздѣлить по двумъ главнымъ взглядамъ; одни считаютъ уримъ и туммимъ за одно и тоже съ 13 драгоценными камнями на хошенѣ (такъ по примѣру Іосифа, *Antiq. III, 8, 9* полагаютъ Браунъ 1. с. р. 613, Шредеръ, *dissert. de Urim et Th. Marb. 1744*, Белерманъ, *Urim et Thummim die ältesten Gemmen. Берл. 1824*, Тейле въ новомъ крит. *Journ. d. Theol. V, стр. 185 sgg.*, Кестеръ, *Erläuterungen стр. 215 sgg.*, М. Баумгартенъ на *Исх. 28*), а другіе напротивъ считаютъ ихъ чѣмъ то заключеннымъ въ складкахъ хошена; такъ думаетъ о нихъ Филонъ, *vita Mos. 3 (Opp. II, p. 152)*, хотя въ другомъ мѣстѣ онъ повидимому отождествляетъ ихъ съ двумя сторонами хошена, *de Monarch. 2 (Opp. II, 226)*, далѣе всѣ раввины (ср. Буксторфа 1. с. р. 276 sgg.) и большая часть древнихъ и новыхъ богослововъ. Этотъ второй взглядъ имѣетъ за собою библейскій текстъ, такъ какъ уримъ и туммимъ означены какъ вещественный предметъ, отличный отъ хошена, не только словами *Исх. 28, 30: venathatha et choschen eth-haurim veethhattumim*, которыя, при сравненіи съ *Исх. 25, 16. 21*, могутъ имѣть только такой смыслъ: *положи уримъ и туммимъ на хошень*,—но и *Лев. 8, 8*, гдѣ Ааронъ, при порученіи ему должности, сначала надѣваетъ хошень, а потомъ кладетъ на хошень уримъ и туммимъ. Но что такое они были, объ этомъ нельзя ничего сказать болѣе съ досто-

вѣрностію. Раввины считаютъ ихъ то за Tetragrammaton (Iehova) schon hamprogasch, то за два различныхъ священныхъ имени Бога, блещущія на хошенѣ буквы которыхъ своими возможными сопоставленіями давали первосвященнику возможность слагать по нимъ божественные отвѣты. Спенсеръ и другіе считаютъ уримъ за божественное изображеніе (Theraphim), Клерикъ—за ожерелье, состоявшее изъ драгоценныхъ рѣзныхъ камней и перловъ, какое носили верховные судьи въ Египтѣ по Diodor. Sicil. I, 48. 75, Aelian. V. H. 14, 34 и по египетскимъ памятникамъ (ср. Генстенберга, die BB. Mos. стр. 154 gg.¹), Михаэлисъ, Янъ и другіе—за три употреблявшихся у древнихъ священныхъ камня для жребіевъ (утвердительный, отрицательный и нейтральный), Циллигъ (Erkl. der Apokal. Eke. 2. Th. I. стр. 408 sgg.) за нѣсколько быть можетъ, за горсть алмазныхъ кубиковъ, шлифованныхъ (свѣтящихся ugm) и нешлифованныхъ (thummim, *сырой*) съ означеніемъ на нихъ имени Іеговы. Мы можемъ только, слѣдуя Бэру, согласиться съ разсужденіемъ Придо, orat. de vest. Aar. у Спенсера 1. c. p. 929: Sufficit observasse, Urim et Thummim a Deo tradita, a Mose recepta et inter Rationalis (Choschen) duplicatam velut in theca quadam fuisse inclusa. Ultra qui temere quid asseruerit, videat ne venditando scientiam, tam imperitiis, quam sagacioribus ludibrium debeat. —По Іосифу (Ant. III, 8, 9) откровеніе чрезъ уримъ и туммимъ прекратилось за 200 лѣтъ до его сочиненія, τὸ θεοῦ δυσχεράναντος ἐπὶ τῇ παραβάσει τῶν νόμων.

¹⁰) Iosephus Ant. III, 7. 7. Πίλος δὲ ἦν μὲν ὁ καὶ πρότερον αὐτῷ παραπλησίως εἰργασμένος τοῖς πᾶσιν ἱερεῦσιν ὑπὲρ αὐτὸν δὲ συνεραρμένος ἕτερος ἐξ ὑακίνθου πεποιχημένος. Ср. de bell. jud. V, 5, 7. Подробности объ этомъ у Брауна I. c. II, c. 21 и Бэра, II стр. 110 и въ указанныхъ тамъ спеціальныхъ сочиненіяхъ.

¹¹) Утвержденіе талмудистовъ, что первосвященникъ или его намѣстникъ надѣвалъ эту бѣлую одежду, когда приносилъ жертву рыжей коровы, не имѣетъ никакого основанія въ законѣ Моисея.

Священное служеніе, принадлежащее исключительно первосвященнику, состояло частію въ приношеніи жертвъ за грѣхи

свои и всего общества, при всякомъ представившемся случаѣ (Лев. 4, 5. 16) и жертвъ умилоствленія и всесоженія въ великій праздникъ очищенія (Лев. 16), частью въ томъ, чтобы вопрошать волю Іеговы посредствомъ урима и туммима въ важныхъ обстоятельствахъ оеократіи и возвѣщать объ этомъ народу (Числ. 27, 21. 1 Сам. 30, 7 sgg.). Кромѣ того, на немъ лежалъ главный надзоръ за всѣмъ культомъ и священствомъ, и онъ естественно могъ отправлять также всѣ священническія службы, хотя дѣлалъ это только по субботамъ и особенно въ великіе праздники ¹²). Въ судныхъ дѣлахъ, которые должны были рѣшать священники (Втор. 17, 8 sgg.), ему принадлежало высшее и окончательное рѣшеніе, какъ главѣ священства, оттого позже онъ былъ предсѣдателемъ синедріона.

Для вступленія въ эту должность надъ новіціатомъ совершалось посвященіе, какъ и надъ прочими священниками, при чемъ помазывали его особеннымъ образомъ. Въ силу этого помазанія первосвященникъ обязанъ былъ заботиться по должности и въ жизни о большей чистотѣ и святости, чѣмъ вообще священники. Онъ не смѣлъ прикасаться ни къ какому трупу, не могъ оскверниться даже ради трупа своего отца и своей матери, не могъ въ знакъ траура обложить головы, раздирать одежды, или выходить изъ святилища ¹³), также вступать въ бракъ не только съ отверженною, растлѣнною или блудницею, но даже и со вдовою, а долженъ былъ брать себѣ въ жену дѣвицу изъ своего народа (Лев. 21, 10—14). Какъ священническій санъ былъ вообще наслѣдственнымъ, то и первосвященникъ удерживалъ за собою свой санъ до самой своей смерти, кромѣ того случая когда онъ дѣлался неспособнымъ къ отправленію должности, или лишался ея чрезъ изгнаніе, какъ напримѣръ Авіаѳаръ въ царствованіе Соломона, 1 Цар, 2, 26 gg.

¹²⁾ Такъ свидѣтельствуесть Иосифъ (de bell. jud. V, 5, 7) по крайней мѣрѣ о времени послѣ плѣна.

¹³⁾ Т. е. какъ Лундіусъ (jud. Heilighümer В. II, с. 20) правильно объясняетъ: «Если онъ услышалъ о смерти ближайшихъ кровныхъ родственниковъ, то онъ ради этого не долженъ выходить изъ скинии или изъ храма, и предаваться сѣтованію, но долженъ былъ оставаться здѣсь свое опредѣленное время отправляя должность, какъ если-бы съ нимъ ничего не случилось». Напротивъ того М. Баумгартенъ (theol. Comm. II. стр. 218) и Бэръ (II, стр. 183) неправильно понимаютъ эти слова въ томъ смыслѣ, что первосвященникъ «долженъ былъ никогда не выходить изъ скинии или святилища, чтобы случайно не прикоснуться гдѣ либо къ труну или чему либо мертвому», — къ этому Бэръ прибавляетъ «постояннаго пребыванія въ святилищѣ естественно не могло быть во время путешествія чрезъ пустыню, и это учрежденіе принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которыя даны были только для жизни въ обѣтованной землѣ, гдѣ оно должно быть исполняемо». Но законъ объ этомъ ничего не говоритъ.

§ 36. *Посвященіе священниковъ.*

Посвященіе (названное Исх. 29, 1. 40, 13 giddesch освященіемъ) священниковъ и первосвященника въ ихъ должности описано въ Исх. 29, 1—34 ср. съ Исх. 40, 12—15 въ совершеніи его на Ааронъ и его сыновьяхъ Моисеемъ (Лев. 8, 1—36). Оно начиналось тѣмъ, что посвящаемые приводились къ двери скинии и омывались водою (конечно по всему тѣлу, а не только по рукамъ и ногамъ). Потомъ слѣдовало облаченіе ихъ въ священныя одежды и помазаніе священнымъ мѣромъ, приготовленнымъ изъ смѣшенія четырехъ благоуханныхъ веществъ, именно: самоточной смирны, корицы благоуханной, тростника пахучаго и кассіи съ оливковымъ масломъ ¹⁾. Этотъ слей первосвященнику возливался на голову, а священники только получали окропленіе лба ²⁾. Къ этому присоединялось торжественное жертвоприноше-

ніе, при которомъ самъ Моисей отправлялъ должность священника и матеріалъ котораго составляли: безпорочный молодой телець, два агнца безъ порока и корзина съ прѣсными хлѣбами, съ прѣсными лепешками, замѣшанными на елеѣ, и съ прѣсными пирогами, обмазанными елеемъ. Телець, по возложеніи на его голову рукъ тѣхъ, кого посвящали, былъ закланъ Моисеемъ въ жертву за грѣхъ; кровію его помазаны были роги жертвенника всесоженія и оставшаяся кровь вылита у основанія жертвенника; весь жиръ внутренностей, сальникъ печени съ обоими почками и ихъ жиромъ были сожжены на жертвенникѣ; кожа же, мясо и нечистоты животного сожжены были огнемъ, внѣ стана. За тѣмъ одинъ агнецъ, которому посвящаемые клали руки на голову, припесенъ былъ во всесоженіе обыкновеннымъ образомъ, а другой особеннымъ образомъ въ жертву овященія. Послѣ того какъ на послѣдняго агнца возложены были руки посвящаемыхъ и онъ былъ закланъ, Моисей взялъ крови его, помазалъ ею кончикъ праваго уха, большой палецъ правой руки и большой палецъ правой ноги у Аарона и его сыновей; остальную же кровь вылилъ на жертвенникъ со всѣхъ сторонъ. Далѣе Моисей взялъ жиръ отъ агнца и курдюкъ и весь жиръ внутренностей, сальникъ печени, обѣ почки съ ихъ тукомъ и правое плечо, также одинъ прѣсный хлѣбъ, одну прѣсную лепешку на елеѣ, и одинъ прѣсный пирогъ, помазанный елеемъ, положилъ это на тучныя части и на правое плечо, а потомъ все это на руки Аарона и его сыновей потрясая предъ Іеговою, за тѣмъ все сожжено было на жертвенникѣ; а грудь агнца послѣ потрясенія ея предъ Іеговою, не была сожжена, но досталась ему, какъ его часть. Потомъ взялъ Моисей нѣсколько елея и крови на жертвенникѣ и окропилъ посвящаемыхъ и ихъ одежды. Наконецъ оставшееся мясо сварено было предъ дверью скинии Аарономъ и его сыновьями, и вмѣстѣ съ хлѣбомъ и лепешками съѣдено, а что осталось отъ этого до утра, было сожжено. Посвященіе это продолжалось

семь дней; во все это время посвящаемые не должны были удаляться из скинии, и упомянутыя жертвы ежедневно повторялись. Такое повтореніе раввины относятъ даже къ помазанію ³⁾.

¹⁾ Приготовленіе священнаго елея предписано въ Исх. 30, 22—25. Онъ состоялъ изъ одного гина (7 или $3\frac{1}{2}$ штофовъ) оливковаго масла, 500 сиклей (=464 дрезденскимъ лотамъ) самоточной смирны *mag-dagor*, изъ 250 сиклей благоухающей корицы *ginman be schem*, изъ 250 сиклей пахучаго тростника (*gench boschem*, *calmus adoratus*), изъ 500 сиклей кассіи (*gidda*, ароматическая кора кустарника, растущаго въ Аравіи и Индіи). Пропорція этихъ веществъ заставляетъ полагать, что корица, тростникъ и кассія смѣшивались съ елеемъ не въ порошокъ, но какъ уже готовые ароматы, какъ мазь изъ корицы, тростника и кассіи (ср. *Tenij Studien*. и *Krit.* 1846. стр. 126) или какъ показываютъ раввины, что эти сухія вещества размачивались и варились въ водѣ, чтобы извлечь изъ нихъ всю эссенцію, за тѣмъ уже масло присоединялось къ полученной отсюда жидкости, и все вмѣстѣ снова варилось на огнѣ, пока всѣ водяныя части не испарялись. Приготовленіемъ этого мѣра (*ma'ase-roget*, *искусство составленія масти*) занялся Веселінъ (Исх. 37, 1. 29).

²⁾ Что первосвященнику елея возлить былъ на голову, объ этомъ ясно говорится не только въ Исх. 29, 7 и Лев. 8, 10 (ср. Псал. 133, 2), но и въ Лев. 21, 10. 12 упоминается объ этомъ родѣ помазанія, какъ о такомъ, который отличалъ его (первосвященника) отъ прочихъ священниковъ; изъ чего слѣдуетъ, что помазаніе простыхъ священниковъ состояло только въ помазаніи елеемъ лба, какъ показываютъ раввины; ср. Реланда *Antiq. sacr.* II, 17. Но что раввины кромѣ этого показываютъ относительно помазанія первосвященника, именно что, послѣ возліанія елея на его голову, перетомъ омоченнымъ въ елея на его челѣ изображался знакъ греческой буквы X (ср. у Сельдена *de success. Pontif. Hebr.* II, с. 9), мы можемъ оставить безъ вниманія. Ср. *Vitranga observ. sacr.* I. II. с. 13. § 9 sqq.

³ О повтореніи жертвъ въ каждый изъ семи дней ясно свидѣтельствуется Исх. 29, 36 и Лев. 8, 33. По Исх. 29, 36 ежедневно должно было закалать тельца въ жертву за грѣхъ какъ очищеніе ('alhakkiprim' посвящаемыхъ и для очищенія жертвенника; а по 35 ст. и по Лев. 8, 33 Моисей ежедневно долженъ былъ наполнять руки новиціатовъ, что состояло въ томъ, что часто жертвы освященія, поименованныя выше полагались имъ на руки и то поднимались, то опускались на ихъ рукахъ предъ Іеговою. По ежедневное наполненіе рукъ предполагаетъ ежедневное приношеніе жертвы наполненія. Если же ежедневно повторялась жертва за грѣхъ и жертва освященія, то должно было также ежедневно повторять и всесожженіе.—() ежедневномъ же повтореніи помазанія нигдѣ въ законѣ ясно не указано; но во всякомъ случаѣ по аналогіи съ жертвенникомъ, который, какъ видно въ продолженіе семи дней ежедневно помазывался (Исх. 29. 36), можно заключать, что если жертвоприношеніе, составлявшее второй актъ освященія, повторялось ежедневно, то помазаніе, какъ первый актъ его, также могло повторяться.

Во время помазанія ⁴⁾ своего первосвященникъ и священники приносили особенную хлѣбную жертву изъ десятой части эфы пшеничной муки, приготовленной съ елеемъ и испеченной на сковородѣ въ кускахъ. одна половина коихъ сжигалась утромъ, а другая вечеромъ (Лев. 6, 12—16). На осьмой день они вступали въ свое священническое служеніе принесеніемъ за себя тельца въ жертву за грѣхъ и агнца во всесожженіе, за которымъ слѣдовала жертва за народъ (Лев. 9, 12).

⁴⁾ Выраженіе: *bejom hammaschach otho* въ день помазанія не заставляетъ предполагать съ Лундіусомъ, что здѣсь (jud. Heiligthümer В. III, с. 9, § 17) идетъ дѣло объ особенной хлѣбной жертвѣ, которою первосвященникъ, послѣ своего посвященія, въ осьмой день, начиналъ свою должность,—чему противорѣчитъ и Лев. 9, 1 *eg.*—Изъ предписанія относительно этой жертвы: *и священникъ, который помазывается на его мѣсто изъ его сыновей, долженъ приносить*

ее (ст. 15) и: *вся хлѣбная жертва священника должна быть сожжена* (ст. 16), видно, что оно сходно съ предписаніемъ Исх. 23, 29 g): *и священныя одежды Аарона должны идти на его сыновей послѣ него, дабы помазывать ихъ и наполнять ихъ руки въ нихъ; семь дней долженъ надѣвать ихъ его сынъ, на его мѣсто поступающій во священника, который входитъ въ скинію для служенія во святилищѣ*,—изъ этого предписанія выступаетъ не мало важный моментъ для рѣшенія спорнаго вопроса: торжественное посвященіе было ли совершено только одинъ разъ въ лицѣ Аарона и его сыновей для всѣхъ посѣдующихъ потомковъ, или оно повторялось при каждомъ поставленіи священниковъ? Раввины, какъ извѣстно, допускаютъ повтореніе посвященія только для каждаго первосвященника, между тѣмъ какъ обыкновенные священники по ихъ объясненію, для вступленія въ должность, приносили только хлѣбную жертву Лев. 6, 12 (ср. Сельдена 1 с. и за нимъ слѣд. Лундіуса, а. а. О.). Но закономъ Моисея нельзя подтвердить этого раввинскаго объясненія. Такъ какъ именно не только Ааронъ (первосвященникъ), но и его сыновья (обыкновенные священники) помазывались (Исх. 40, 15 ср. 28, 41), такъ какъ далѣе тотъ и другіе (Ааронъ и его сыновья) равно должны были приносить хлѣбную жертву въ день своего помазанія (Лев. 6, 13); то оказывается совершенно произвольнымъ понимать только о первосвященникѣ а не о каждомъ священникѣ слова: *священникъ, который помазывается на его мѣсто изъ его сыновей* (ст. 14), и еще болѣе произвольнымъ принимать опредѣленіе 15 ст.: *каждая хлѣбная жертва священника должна быть сожжена*, какъ предписаніе, чрезъ исполненіе коего каждый священникъ могъ начать свое служеніе безъ дальнѣйшаго освященія. Не менѣе ошибочно, по нашему мнѣнію, раввинское объясненіе Лев. 6, 12—16, принятое Баумгартеномъ, что хлѣбную жертву первосвященникъ долженъ былъ приносить постоянно «каждый день во все время своего служенія». Mincha thamid ст. 13 именно заимствуетъ свое ближайшее опредѣленіе изъ предшествующаго выраженія: *bejorn hammaschach*, которое ничего болѣе не показываетъ, какъ постоянное приношеніе только *во время помазанія*,

продолжавшагося семь дней. Равнымъ обрѣзомъ нельзя оправдывать (съ Луидіусомъ и др.) этого раввинскаго толкованія ни Іосифомъ, Ant. III, 40, 7, ни Сирахомъ 43, 14, ни посланіемъ къ Евр. 7, 27. *Іосифъ*, при многихъ рѣзкихъ ошибкахъ въ изображеніи іудейскихъ древностей, не можетъ быть рѣшающимъ авторитетомъ, а Сирахъ разсуждаетъ въ приведенномъ мѣстѣ о ежедневной утренней и вечерней жертвѣ (Числ. 28, 3 sgg), которую также имѣлъ въ виду и писатель посланія къ евреямъ, и которую отнести къ посвященію священниковъ уже Клерикъ (comm. ad Lev 6, 12 sgg), не обративъ вниманія на то, что хлѣбная жертва, приносимая съ еженедѣльнымъ всесоженіемъ, состояла изъ муки смѣшанной съ елеемъ, а не изъ пирожнаго. Ср. еще Винера R. W. II, стр. 494 примѣчаніе.

§ 37. *Значеніе священническихъ преимуществъ и принадлежностей.*

Всѣ права, признанныя за священствомъ, какъ и всѣ обязанности, возложенныя на нихъ, объясняются изъ трехъ моментовъ, которые заключаютъ въ себѣ понятіе священства. Тотъ родъ и образъ жизни, въ какой были поставлены священники и левиты относительно жилища и пропитанія, имѣетъ свое основаніе въ *избраніи ихъ въ особенную собственность Іеговы*. Они не должны были, подобно прочимъ колѣнамъ, получить въ землѣ обѣтованія наслѣдственную часть, потребную для ихъ тѣлеснаго пропитанія и обезпечивающую ихъ, какъ *собственность*, потому что ихъ *частью и наслѣдствомъ* хотѣлъ быть самъ Іегова (Числ. 18, 20. Втор. 10, 9), который, какъ Господь всей земли и владѣтель Хаанаана, не только повелѣлъ уступить имъ для жилища необходимыя мѣста въ землѣ, которую Онъ далъ Своему народу въ наслѣдство, но и допустилъ ихъ участвовать въ десятинахъ, пачаткахъ плодовъ, первенцахъ и въ извѣстныхъ доляхъ при всѣхъ жертвенныхъ дарахъ, *приносимыхъ Ему*. Если этотъ родъ содержанія вполнѣ соотвѣтствуетъ понятію

принадлежности Іеговѣ, потому что чрезъ это въ отношеніи своего земнаго существованія они вполнѣ становились въ зависимость отъ религіи и все имѣніе свое имѣли въ Господѣ и отъ Господа: то ихъ назначенію *быть святыми и приближаться* къ Іеговѣ, не менѣе соотвѣтствуетъ то, что они не имѣли нужды заботиться о жилищѣ и пропитаніи посредствомъ обыкновенныхъ работъ и промышленности, но могли всѣ силы посвящать служенію Іеговѣ, заботѣ о Его словѣ и законѣ, попеченію о Его святилищѣ. Такое положеніе не только напоминало священникамъ обязанности ихъ высокаго призванія, но и укрѣпляло ихъ въ общеніи съ Іеговою и давало утѣшеніе въ представленіи величія ихъ избранія ¹⁾).

Изъ понятія *святости*, которая была необходимымъ условіемъ для приближенія къ Богу святому, вытекаютъ всѣ опредѣленія свойствъ, необходимыхъ для священническаго служенія, и прежде всего—требованіе безпорочнаго тѣлосложенія. Различные тѣлесные недостатки, не допускавшіе до священническаго служенія, были не только такими недостатками, которые могли вредить внѣшнему приличію и мѣшать благоговѣйному предстоянію предъ Іеговою, но и такими, которые можно было разсматривать какъ тѣлесное выраженіе духовной порочности и дряхлости. Тѣлесное совершенство не только должно было указывать на святость Іеговы, не только должно было соотвѣтствовать святости мѣста, занятій и служенія, которое на нихъ лежало, но вмѣстѣ съ тѣмъ и гораздо болѣе должно было изображать собою духовную безпорочность священниковъ и выражать освященіе сердца ²⁾. Поэтому священники должны были удаляться не только отъ каждаго произвольнаго левитскаго оскверненія, но и въ своей домашней жизни и обычномъ отношеніи должны были вести себя какъ святые предъ Іеговою (Лев. 21, 7 г.). ³⁾.

¹⁾ Символ. значеніе котораго Бэръ (II, стр. 51) ищетъ въ числѣ городовъ, именно 48, я не могу считать основательнымъ,

потому что это число дѣлится неравномѣрно на 13 городовъ священническихъ и 35 левитскихъ, и кромѣ того 48 городовъ не раздѣлены равномѣрно между 12 колѣнами; въ колѣнахъ іудовомъ и симеоновомъ назначено было 9 городовъ, а въ исфаимовомъ только 3. Но если это число не имѣетъ особенной знаменательности, то нечего искать какого либо символическаго значенія и въ томъ, что округа, принадлежащія къ этимъ городамъ, должны были простираться въ каждую сторону до 2000 локтей.

2) Только нужно быть осторожнымъ въ исканіи образовъ или символовъ въ отдѣльныхъ опредѣленныхъ нравственныхъ или духовныхъ порокахъ, въ отдѣльныхъ тѣлесныхъ недостаткахъ, перечисленныхъ закономъ, какъ это пытался сдѣлать напр. Теодоритъ: quae. 30 in Levit.

3) Совершенно справедливо Бэръ (II, стр. 55) отвергаетъ взглядъ Маймонида, Спенсера и друг., которые требованіе тѣлесной безпорочности хотятъ производить изъ одного естественнаго чувства приличія и благопристойности, хотя при этомъ и самъ Бэръ незамѣтно впадаетъ въ такую же крайность, оспаривая (стр. 58) объясненіе Филона (de monarch) какъ *σμβολα τῆς περὶ τὴν ψυχὴν τελειότητος* и понимая тѣлосложеніе, чуждое недостатковъ, только «какъ внѣшнее отраженіе святости мѣста, занятій и служенія, которое священники отпращивали». Что въ самомъ дѣлѣ будетъ значить физическая безпорочность, какъ не внѣшнее приличіе, если тѣлесные недостатки выводятся только изъ условной святости мѣста и служенія? Но что священники, одержимые тѣлеснымъ недостаткомъ или порокомъ, не смотря на это, могли ѣсть то, что считалось священнымъ въ высшей степени, то это указываетъ только на то, что эти пороки не вѣнялись въ вину, не считались грѣхами; а то обстоятельство, что самъ первосвященникъ приносилъ жертву за свои собственные грѣхи предъ своимъ входомъ во святое святыхъ, показываетъ, что законъ святаго Бога строго относился къ грѣху, не удовлетворяясь тѣлеснымъ выраженіемъ святости.

Далѣ *посвященіе*, которое характеризуется какъ актъ освященія уже тѣмъ, что означено словомъ *giddesch*, распадается на два акта, имѣющихъ отношеніе къ тѣмъ же тремъ моментамъ. Первый актъ, состоящій въ омовеніи, облаченіи (инвеститура) и помазаніи, даетъ *способность* къ священнической должности и священническому служенію; второй, состоящій въ троякой жертвѣ, вводитъ уже способныхъ къ священническому служенію въ должность и права.

Первый актъ. Способность къ священническому служенію лицамъ, избраннымъ къ этому, даруется съ отрицательной стороны чрезъ омовеніе, съ положительной чрезъ облаченіе въ богослужебную одежду и помазаніе священнымъ мѣромъ. *Омовеніе* тѣла отображаетъ сложеніе мерзостей грѣха; очищеніе тѣла отъ внѣшней нечистоты символизируетъ очищеніе души отъ грѣховной нечистоты. За этимъ отрицательнымъ приготовленіемъ слѣдовало положительное снабженіе потребными для священнаго служенія принадлежностями.

На первомъ мѣстѣ стоитъ здѣсь усвоенная должности одежда, при чемъ уже выступаетъ различіе между первосвященникомъ и простыми священниками. Здѣсь имѣютъ значеніе самое число и цвѣтъ одеждъ. Если одежда обыкновенныхъ священниковъ состоитъ изъ *четыре*хъ отдѣльныхъ частей, а одежда первосвященника изъ дважды четырехъ частей, то въ этомъ числѣ она носитъ знаменіе царства Божія во Израилѣ, и облаченные въ такія одежды этимъ самымъ представляются, какъ служащіе въ царствѣ Божіемъ ⁴⁾. Цвѣтъ ея у простыхъ священниковъ былъ преимущественно бѣлый, и притомъ ярко бѣлый (виссонъ), въ который и первосвященникъ облачался, когда входилъ во святое святыхъ. Но яркая бѣлизна есть цвѣтъ чистаго сіянія, символическое выраженіе величія или святости въ смыслѣ св. Писанія, изображающаго величіе и святость не разрывными понятіями ⁵⁾, это

цвѣтъ, въ которомъ являются небесныя существа изъ области славы и святости (Дан. 12, 6. 7. 10, 5. Іезек. 9, 3. 11. 10. 2. 7. Мато. 28, 3. Апок. 10, 30 и др.); такимъ образомъ священники этимъ цвѣтомъ своей одежды являются, какъ святые и славные служители Божіи. Въ частности священническое одѣяніе состояло изъ *панталонъ*, которыя должны были покрывать наготу, органъ произрожденія тѣлеснаго, грѣховнаго и смертнаго человѣческаго естества (Иск. 28, 42), т. е., закрывать грѣховность и смертность служителей Іеговы. Если эта одежда представляла еще болѣе отрицательную сторону освященія, то въ прочихъ священническихъ одеждахъ выступаетъ болѣе положительная сторона идеи священства. Хитонъ (*kethoneth*), который покрывая все тѣло составлялъ главную одежду, чрезъ то, что онъ сотканъ изъ одного куска, указываетъ на духовную полноту, чистоты и праведности, въ чемъ заключается идея блаженства и жизни, между тѣмъ какъ четвероугольныя формы его ткани символизируютъ принадлежность къ царству Божію. Равнымъ образомъ и митра (*migba'ah*) формою цвѣточной чашечки указываетъ на процвѣтаніе, т. е. на свѣжую, здоровую жизнь того, кто ее носитъ. Потому священникъ долженъ не снимать этого головного украшенія, не обнажать головы, и, для предотвращенія даже случайнаго снаденія, долженъ привязывать его, потому что если митра изображала цвѣтъ, то снаденіе ея было бы какъ бы отпаденіемъ цвѣта—обыкновеннымъ изображеніемъ дряхлости и смерти (1 Петр. 1, 24. Іак. 1, 10. Ис. 103, 15. Іов. 40, 6—8) ⁶).—*Поясъ*, который надѣваетъ восточный житель, когда готовится къ занятію, есть служебный знакъ священниковъ. По этому онъ былъ тѣхъ же самыхъ красокъ и той-же самой работы, какъ завѣса святаго и двора, обозначая снабженныхъ имъ какъ посителей и отправителей священнической должности въ царствѣ Божіемъ ⁷).—Наконецъ то, что священники были не обуты, указывало, что служеніе ихъ проходитъ въ священномъ мѣстѣ.

Это одѣяніе носилъ и первосвященникъ, но сверхъ него онъ имѣлъ еще особенную дорогую одежду, состоявшую также изъ четырехъ штукъ, и называемую у раввиновъ, по причинѣ золотой отдѣлки каждой изъ этихъ отдѣльныхъ одеждъ, *золотымъ одѣяніемъ bigdej zahab* ⁸⁾). Уже это дважды *четыре* взятое число одеждъ указывало первосвященника, какъ священника священниковъ, какъ высочайшаго священника ⁹⁾). Этому только сану соответствовало и золото на одеждахъ, отличавшихъ его отъ обыкновенныхъ священниковъ и возвышавшихъ надъ ними. Такимъ образомъ одежда первосвященника должна отображать отличительный характеръ его сана и его должности, который могъ быть только характеромъ всего народа завѣта, представляемаго первосвященникомъ въ своемъ лицѣ. Какъ собственный народъ Іеговы, Израиль долженъ былъ быть царствомъ священниковъ, т. е. соединить въ себѣ царское и священническое достоинство, подѣлу условіемъ сохраненія завѣта съ Богомъ (Исх. 19, 5. 6). Поэтому завѣтъ, который Богъ заключилъ съ Израилемъ, есть первое преимущество Израиля предъ другими земными народами, на которомъ опираются другія его преимущества, именно его назначеніе въ *царскій* и *священнический* народъ, такъ что Израиль имѣлъ тройственный характеръ: народа завѣта съ Богомъ, народа царскаго и священническаго, а первосвященникъ, въ которомъ завершалось достоинство Израиля, соединялъ въ своемъ собственномъ лицѣ это тройственное достоинство ¹⁰⁾). Теперь, если священническое достоинство имѣетъ свое отображеніе въ священническомъ одѣяніи, то оба другіе характера мы должны искать въ трехъ частяхъ одежды, которыя въ Исх. 28, 7 поименованы рядомъ съ обыкновенными одеждами священниковъ, какъ священныя одежды Аарона, именно: въ *верхней ризѣ*, въ *плечной одеждѣ* и *наперсникѣ*.

Въ *верхней ризѣ* (me'il) характеристично то, что она вся соткана изъ гіацинта, слѣдовательно носила цвѣтъ неба, и то,

что она имѣла по подолу гранатовыя яблоки и золотыя колокольчики. Эти привѣски должны были находиться на Ааронѣ во время службы, чтобы звукъ ихъ можно было слышать при его входѣ предъ Іегову и при его выходѣ, чтобы онъ не умеръ (Исх. 28, 35). Значеніе этихъ привѣсокъ можно видѣть изъ того аналогичнаго съ настоящимъ предписанія, по которому каждый израильтянинъ долженъ былъ носить кисти съ гіацинтовымъ шнуromъ на своей одеждѣ и, при взглядѣ на нихъ вспоминать о заповѣдяхъ Божіихъ и исполнять ихъ (Числ. 15, 38), такимъ образомъ и подобныя привѣски первосвященника должны были служить символомъ божественныхъ заповѣдей, и звукъ ихъ при совершеніи служенія во святилищѣ, долженъ слушать не народъ, собравшійся во дворѣ, не Богъ, обитающій на тронѣ святаго святыхъ, но самъ первосвященникъ, такъ что этотъ звукъ долженъ былъ напоминать ему его призваніе храненія и провозвѣщенія божественныхъ заповѣдей. Итакъ, гранатовыя яблоки и колокольчики были знаками и символами божественнаго слова, и при томъ того, что гранатовыя яблоки своимъ пріятнымъ запахомъ, своимъ сладкимъ и освѣжающимъ сокомъ и своими вкусными превосходными зернами ¹¹⁾ должны были указывать божественный законъ, какъ сладкую, драгоценную духовную пищу, укрѣпляющую душу и освѣщающую сердце (ср. Пс. 19, 8—11. 119, 25, 43. 50 съ Втор. 8, 3. Притч. 9, 8. Сир. 15, 3) ¹²⁾, а колокольчики—звукъ этого слова или его проповѣданія. Такимъ образомъ первосвященникъ характеризовался этими привѣсками, какъ предъявитель и посредникъ божественнаго свидѣтельства, верхняя риза, обложенная ими характеризовала достоинство Израиля, какъ народа завѣта и закона, а гіацинтовая краска ея указывала на небесное происхожденіе и характеръ свидѣтельства или закона завѣта. Только надѣвъ хитонъ закона завѣта, первосвященникъ могъ находиться предъ Іеговою; безъ звука издавае-

мага хитономъ первосвященникъ, при входѣ во святилище и выходѣ долженъ былъ умереть ¹³).

Плечная одежда и наперсникъ (ефодъ и хошенъ) изображаются связанными между собою уже тѣмъ, что они не раздѣляются при пошеніи, именно: послѣдній накладывался на первый и прикрѣплялся къ нему. Но далѣе ефодъ характеризуется, какъ *плечная* одежда *kethephoth* уже тѣмъ, что обѣ половины, изъ которыхъ онъ состоялъ, называются *наплечниками*, а этотъ главный характеръ ефода дѣлаетъ его символомъ власти, такъ какъ плечо считалось символомъ господства, знаки котораго и носились на немъ (Исх. 9, 5. 22, 22) ¹⁴). Хошенъ же самымъ названіемъ своимъ *наперсникъ суда, управленія* *choschen misch-rath* (Исх. 28, 15. 30) показываетъ себя, какъ одежду судін, какъ символъ судейской власти. Почему его и носили у сердца, такъ какъ еврей смотрѣлъ на сердце, какъ на сѣдалище мудрости и проницательности, необходимой для суда, расправы и рѣшенія, (ср. Притч. 17, 16. Іов. 34, 10. 1 Цар. 3, 2. 12. 10, 24). Но право господства и суда принадлежать царской власти. Слѣдовательно въ ефодѣ и хошенѣ представлено царское достоинство первосвященства. По этому они и состояли не только изъ драгоценныхъ матерій: гіацинта, пурпура, кармезина и виссона, подобно прочимъ драгоценнымъ частямъ богослужебнаго аппарата, но и вышивались золотыми нитками, и обкладывались драгоценными камнями, выражая блескъ и величіе царскаго достоинства. Но это великое достоинство принадлежало первосвященнику не какъ частному лицу, но какъ представителю и ходатаю народа завѣта. По этому обѣ эти одежды имѣли имена 12 колѣнъ Израиля, вырѣзанныя на драгоценныхъ камняхъ, въ ефодѣ на плечахъ, въ хошенѣ на сердцѣ, чтобы первосвященникъ носилъ имена ихъ, при входѣ во святилищѣ, на своихъ обоихъ плечахъ и на своемъ сердцѣ, для постоянного напоминанія о нихъ предъ

Иеговою (Псх. 28, 12. 29). Въ этомъ отношеніи драгоцѣнные камни называются *камнями воспоминанія сыновъ Израиля* (ст. 12), по это не то значить, что камни должны были *при-содить на память собранному народу, что первосвященникъ, стоявшій предъ Иеговою, т. е., въ своей должности и въ своемъ служеніи, поставленъ народу отъ Бога, для того чтобы быть ихъ главою и судіею* ¹⁵⁾, но то, что первосвященникъ носилъ имена 12 колѣнъ предъ Иегову, при отиравленіи своей должности и своего служенія, т. е., что онъ напоминалъ Иеговѣ о колѣнахъ, какъ ихъ ходатай, представлялъ ихъ какъ царственное общество священниковъ предъ Богомъ, чтобы Онъ приблизился къ нимъ и благословилъ ихъ, какъ свой народъ, такъ что здѣсь символически совершалось главное назначеніе Израиля, какъ освященнаго народа Божія, вступать въ общеніе съ своимъ Богомъ Иеговою и радоваться о Его радостномъ приближеніи. Такимъ же образомъ и имена были вырѣзаны на драгоцѣнныхъ камняхъ, не потому чтобы они, *какъ земные противотипы небесныхъ свѣтовъ звѣздъ, небснаго воинства (tzaba) символизоваѣи Израиля прообразующаго небесное, божественное воинство* (Псх. 6, 26 и др.) ¹⁶⁾, но потому, что они (драгоцѣнные камни) своимъ свѣтомъ и блескомъ составляютъ самый приличный земной субстратъ, для созерцанія того величія, къ которому Израиль долженъ возвыситься въ союзѣ съ Иеговою ¹⁷⁾.

По настоящимъ судейскимъ регалиемъ хошенъ дѣлали только связанные съ нимъ *уримъ и туммимъ*. Это видно не только изъ Числ. 27, 21, гдѣ Елеазаръ вопрошаетъ Бога для Іисуса bemischpat haurim *судомъ урима* предъ Иеговою, но и изъ мѣста Псх. 28, 30, по которому Ааронъ долженъ класть уримъ и туммимъ на хошенъ и имѣть ихъ у сердца, когда приходитъ предъ Иегову, чтобы онъ *постоянно носилъ судъ (mischpath) сыновъ Израиля у своего сердца*. Такимъ образомъ судъ Израиля совершается предъ Иеговою чрезъ уримъ и туммимъ; не то, чтобы

Иеговѣ предлагалось рѣшеніе спорныхъ частныхъ дѣлъ между сторонами правою и неправою; но вся совокупность законоположенія въ его данномъ *statu quo* предпосылалась предъ Иеговою и Иегова охранялъ и возстановлялъ его, въ опасныхъ и сомнительныхъ случаяхъ чрезъ отвѣты, которые Онъ сообщалъ вопрошающему первосвященнику. Обстоятельства повергавшіяся на рѣшеніе Иеговы посредствомъ урима и туммима, касались не частныхъ вещей и споровъ, но вообще *блага и существованія народа Иеговы* ¹⁸⁾. «Подобно тому какъ Иегова въ залогъ того, что Онъ хочетъ быть Богомъ Израиля учредилъ видимое Свое жилище среди Израилѣ, Онъ далъ также и видимое доказательство на то, что Онъ не хочетъ оставить въ трудныхъ обстоятельствахъ безпомощнымъ этотъ народъ, котораго Онъ удостоилъ Своимъ особеннымъ попеченіемъ для блага всѣхъ народовъ» ¹⁹⁾, но хочетъ сохранить его въ неприкосновенной цѣлости. По такому своему назначенію этотъ *залогъ* носить имена: *urim* и *tummim*, *свѣтъ* и *совершенство* (невинность), т. е., не то что совершенное богоозареніе ²⁰⁾, но такое просвѣщеніе, которое послѣдствіемъ своимъ можетъ имѣть совершенство и святость, притомъ уримъ указываетъ божественное просвѣщеніе къ сохраненію суда и правды, а туммимъ—на совершенство или неповрежденность этого суда. Способъ и образъ, какимъ первосвященнику сообщался божественный отвѣтъ, хотя нигдѣ не указывается въ Ветхомъ Завѣтѣ, но едвали его можно понимать иначе, нежели такъ, что первосвященникъ во время молитвы предлагалъ Иеговѣ дѣла возбуждившія сомнѣніе общества и что давалось ему на сердце вслѣдствіе молитвы, то онъ объявлялъ народу какъ отвѣтъ и рѣшеніе Иеговы ²¹⁾.

Наконецъ значеніе первосвященническаго *головного украшенія* находится не столько въ чалмѣ (*miznerpheth*) или повязкѣ, которая отличала его отъ простой священнической митры и обозначала, какъ главу священниковъ предъ обыкновенными свя-

щениками, сколько въ діадемѣ, наложенной на нее, съ надписью ея. Эта діадема называется то гекег *вѣнцомъ* (Исх. 29, 6. 39, 20. Лев. 8, 9, даже царскимъ вѣнцомъ напр. 2 Цар. 1, 10. 4 Цар. 11, 12), то *tzilz*—*цвѣткомъ* (Исх. 28, 36. 39, 30). Такимъ образомъ носящій эту діадему представляется такимъ, *кого вѣнецъ цвѣтетъ* (Пс. 132, 18), кого царство заключаетъ въ себѣ полноту духовной жизни, кого царское величіе даетъ цвѣтъ жизни. По этотъ цвѣтушій вѣнецъ есть *вѣнецъ святости*, святой вѣнецъ (Исх. 29; 6. 39, 30); онъ носитъ надпись: *святѣица Іеговы*, т. е. святой Іеговы. Итакъ увѣнчанный есть святой Іеговы (*gedosch Iehova* Пс. 106, 16) и долженъ имѣть знакъ этой святости на своемъ челѣ, (гдѣ удобнѣе всего можно видѣть его), что онъ (Ааронъ) *носитъ на себѣ недостатки приношеній, которыя посвящаютъ сыны Израиля и всѣхъ ихъ священныхъ даровъ, и онъ долженъ быть постоянно на челъ его для показанія благоволенія Іеговы къ нимъ* (Исх. 28, 38). Т. е. первосвященникъ силою святости Іеговы, которая дарована ему и за которую ручалась надпись его діадемы, долженъ имѣть силу нести или брать на себя и заглаждать недостатки святыхъ даровъ народа, происходящіе отъ нечистоты его природы, чтобы жертвенные дары народа могли быть пріятны Іеговѣ и не прерщалося для народа божественное благоволеніе ²²). Такимъ образомъ въ головномъ покрывалѣ первосвященника идея священническаго царства Израиля нашла свой окончательный видимый отпечатокъ.

Священники же получали эту святость, какъ такую, уже не чрезъ одежду, изображающую характеръ ихъ службы, но только чрезъ помазаніе священнымъ елеемъ. Хотя эти одежды называются *«священными одеждами»* (*bigdej godesch*, Исх. 28, 4 ср. съ 2 ст.) и должны приготовляться по Исх. 28, 3 также для того, чтобы *освящать его* (Аарона), однако сами онѣ ставились священными только чрезъ окропленіе елеемъ помазанія

и жертвенною кровію. Помазаніе елеємъ есть символъ сообщенія святаго Духа (ср. 1 Сам. 10, 1. 2. 16, 13 г. Ис. 61, 1), такъ какъ елей своею силою, дающею свѣтъ, пробуждающею и возвышающею духъ жизни, служить образомъ Духа Божія, этого источника духовнаго свѣта и духовной жизни ²³⁾. Елей же, употреблявшійся для помазыванія священниковъ и богослужебныхъ сосудовъ, приготовлялся чрезъ смѣшеніе четырехъ благовонныхъ веществъ, которыя уже самымъ этимъ числомъ служили знаками царства Божія; потому приготовленіе подобнаго елея для частнаго употребленія воспрещалось (Исх. 30, 25. 32). Какъ близкіе къ святому Богу и какъ посредники освященія Израиля, священники должны были прежде всего получить освящающую силу Духа Божія. Потому они помазывались въ свою должность, но такъ, что первосвященнику миро вливалось на голову, т. е. сообщалось большее обиліе божественнаго Духа, чѣмъ обыкновеннымъ священникамъ, которымъ только чело помазывали елеємъ.

Итакъ, если омовеніе тѣла символизировало удаленіе нечистоты, облаченіе въ форменное одѣяніе—частію прикрытіе естественной наготы,—частію дарованіе способности для священнической должности, то помазаніе священнымъ мвромъ изображало сообщеніе святаго и освящающаго Духа на очищенныхъ и облеченныхъ священствомъ.

⁴⁾ Это значеніе четвертаго числа признается и раввинами, которые притомъ считаютъ каждое священническое дѣйствіе незаконнымъ и недействительнымъ, если при немъ не доставало священнику даже только одной одежды изъ четырехъ священническихъ или изъ восьми первосвященническихъ. Ср. Сельдена *de success. in pontif.* II, 7; Брауна I. с. 1, р. 14. 24 sgg. и Бэра, II, стр. 71.

⁵⁾ Ср. Генстенберга, *die Offenbarung Ioh.* I, стр. 271.

⁶⁾ Ср. Бэра, *Symb.* II, стр. 79.

⁷⁾ Потому раввины учатъ, что священники должны были снимать поясъ, воле скоро они кончили священнодѣйствіе, между тѣмъ какъ прочія одежды они могли носить въ храмъ, хотя бы и не совершали священнодѣйствій. Ср. die rabbin. Aussagen у Брауна I. с. II, р. 674, который р. 401 по этому поводу заключаетъ: *Tam necessarius quidem erat balteus Hebraeorum sacerdotibus ut summum piaculum esset, si quis eo deposito fungi voluisset ministerio. Ideo et balteum deponere debebat, quam primum ob opere cessabat, ut reliquas vestes retineret, et simulac ministerio fungi volebat, statim etiam balteo esse cingere oportebat.*

⁸⁾ Маймонидъ de vasis sanct. с. 8. *vestium sacerdotum tria sunt genera. Vestes omnibus sacerdotibus communes, vestes aureae et vestes albae... Vestes aureae sunt vestes Pontificis M. etc.* Ср. Брауна I. с. I, р. 14.

⁹⁾ Ср. Евальда, *ausf. Lehrb. der hebr. Sprache* § 313. с. der 6 Aufl.

¹⁰⁾ Сравн. Бэра, *Symbol.* II, стр. 119 и приведенныя тамъ доказательства изъ раввинскихъ сочиненій.

¹¹⁾ Доказательства на эти качества гранатоваго яблока см. у Цельс. *Hierobot.* I, р. 273 sgg., также ср. Брауна I. с. II, р. 734: *Est grati odoris et habet succum nonnunquam dulcem aliquando vinosum, ad esum et refrigerium aptum.*

¹²⁾ Что евреи въ яблокѣ могли видѣть символъ божественнаго слова, это можно заключать изъ Притч. 25, 11 *золотыя яблоки въ серебряныхъ чашахъ—слово сказанное во время*; раввины всегда сравнивали гранатовыя яблоки съ божественными заповѣдями, ср. мѣста, приведенныя Бэромъ II, стр. 124.

¹³⁾ Слова: *дабы онъ не умеръ* (Исх. 28, 35) относятся ко всему священническому одѣянію какъ дѣлаетъ Бэръ (II, стр. 126 g.) противно смыслу и положенію 35 стиха, и не можетъ быть оправдано указаніемъ на 43 ст. Угроза смерти въ послѣднемъ текстѣ относится не ко всей одеждѣ, а только до нижней одежды.

¹⁴⁾ Не только у евреевъ и другихъ восточныхъ народовъ, но и у грековъ и римлянъ, у которыхъ потоку былъ обычай перевѣшивать мечъ чрезъ плечо. Ср: Бэра II, стр. 128.

¹⁵⁾ Это толкованіе Бэра II, стр. 132, никакимъ образомъ не идетъ къ опредѣленію, по которому первосвященникъ долженъ носить предъ Іегову имена 12 колѣнъ, и стоитъ отъ истины гораздо дальше, чѣмъ толкованія древнихъ богослововъ, указанныя у Брауна I. с. II, р. 477: *ut per ea (nomina) Pont. Max. omnes duodecim tribus sibi in memoriam revocaret cum sacrificaret, ut pro omnibus tribubus sacrificaret omnesque secum in templum portaret et pro iis thymiamata et preces faceret*,—въ которомъ находится, по крайней мѣрѣ, одинъ моментъ истины подобно какъ и въ іудейскомъ толкованіи у Іонаана: *gemmae in memoriam revocantes merita filiorum Israel*, въ которомъ впрочемъ истина обращаясь въ чисто фарисейское хвастовство добродѣтелию.

¹⁶⁾ Такъ объясняетъ Бэръ (Symb. II, стр. 233), но безъ доказательства изъ св. Писанія, для такого значенія драгоцѣнныхъ камней; такое значеніе скорѣе прямо опровергается, чѣмъ доказывается приведеннымъ имъ параллельнымъ мѣстомъ Апок. 22, 18 и д., въ которомъ *небесный* Іерусалимъ является основаннымъ на 12 драгоцѣнныхъ камняхъ, потому что нельзя же представлять небесный Іерусалимъ удаленнымъ на звѣзды и небесное воинство.

¹⁷⁾ Относительно выбора отдѣльныхъ драгоцѣнныхъ камней справедливо замѣчаетъ Бэръ а. а. О.), что онъ конечно не былъ произвольнымъ и случайнымъ, какъ это видно уже изъ тщательнаго показанія каждаго отдѣльнаго камня, особенно на хошенѣ, гдѣ даже точно опредѣленъ самый порядокъ ихъ. Но при отсутствіи рѣшительныхъ свойствъ, отличающихъ камни между собою, невозможно найти отношенія, въ которомъ каждый камень находился къ означенному на немъ колѣну. Раввины взяли на себя много трудовъ въ объясненіи этого отношенія, но дошли только до очевидныхъ нелѣпностей. Обравчикъ этихъ нелѣпностей Бэръ и представляетъ въ примѣчаніи.

¹⁸⁾ Сюда относятся тѣ случаи, встрѣчавшіеся въ исторіи Израиля, въ которыхъ испрашивалось божественное рѣшеніе чрезъ уримъ и туммимъ, Числ. 27, 21. 1 Цар. 23, 9 gg. 30, 7, 8 (Суд. 20, 27 g.). Такъ учатъ талмудисты и раввины, см. у Буксторфа, hist. Urim et Th. с. III; приводя ихъ мнѣніе Буксторфъ замѣчаетъ: non licuit sacrum hoc oraculum consulere de negotio privato vel levi aliqua de causa, sed de rebus publicis spectantibus ad totius reipublicae et populi salutem... Hinc tribuum nomina pectorali erant inserta, ut sci- rent, harum duntaxat causa hoc beneficium ipsis indultum esse. Ср. также Бэра, II, стр. 137.

¹⁹⁾ Слова Бэра а. а. О.

²⁰⁾ Такъ думаетъ Бэръ (а. а. О.); противъ него возстаетъ Генстенберъ, d. BB. Moses стр. 156. По еіо мнѣнію такое значеніе урима и туммима слишкомъ рѣзко и не подтверждается совершенно никакимъ аналогичнымъ примѣромъ, и даже совершенно отвергается мѣстомъ Втор. 33, 8, гдѣ встрѣчается слово туммимъ — Другія совершенно произвольныя толкованія см. у Винера R. W. II. стр. 644.

²¹⁾ Такъ думаетъ Бэръ (Symb. II, стр. 137) по примѣру древнихъ археологовъ, напр. Винета см. Буксторф. 1. с. р. 321, Брауна 1. с. II, р. 613 sg. и др.

²²⁾ Если этотъ простой и извѣстный всѣмъ іудейскимъ и христіанскимъ толкователямъ смыслъ приведеннаго мѣста отвергается Бэромъ (II, стр. 145 sg.), на томъ основаніи, что будто бы онъ ведетъ къ «*магическому очистительному акту жертвенныхъ даровъ*»; то М. Баумгартенъ (комм. на это м.) справедливо считаетъ взглядъ Бэра *страннымъ*. Здѣсь нѣтъ никакой магіи, говоритъ онъ, какъ и во всемъ культѣ Израиля; если здѣсь обрядности, освященной Іеговою, приписывается духовная дѣятельность на личность, то это—общее основаніе, на которомъ покоится по закону Моисея все посредничество между Іеговою и Израилемъ».

²³⁾ Ср. Бэра, Symb. II, стр. 172 sg.

Вторый актъ. Помазаніемъ завершалось приготовленіе священниковъ къ ихъ должности. Но, такъ какъ священство не было

только обязанностію особеннаго служенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ служило основаніемъ высшаго положенія въ царствѣ Божіемъ съ особенными правами и привилегіями, и ставило посвященныхъ среди народа завѣта въ ближайшее отношеніе къ Богу завѣта; то посвященіе священниковъ могло окончательно совершиться только чрезъ особенную жертву посвященія, которую символически давались посвящаемымъ эти особенныя права и преимущества. Какъ это происходило чрезъ подписанную жертву посвященія, это можетъ быть ясно только по разъясненіи общаго значенія жертвъ, почему подробности объ этомъ будутъ слѣдовать ниже въ жертвахъ посвященія (§ 54).

§ 38. *Исторія богослужебнаго персонала.*

Такъ какъ израильскій богослужебный персоналъ замыкался въ наследственное сословіе, то доколѣ исполнится Моисеевъ законъ, въ немъ не могло произойти никакихъ существенныхъ перемѣнъ.

Первосвященство, предъ самою смертію Аарона, перешло на его старшаго сына Елеазара (Числ. 20, 28 г.) и, согласно божественному обѣщанію оставалось за его потомками, Финеесомъ (Суд. 20, 28) и такъ далѣе, пока по неизвѣстнымъ причинамъ ¹⁾ оно не перешло чрезъ Илія на линію Иеамара ²⁾, и оставалось за нею до отрѣшенія отъ должности Авіаѳара Соломономъ, когда этимъ саномъ опять исключительно овладѣло потомство Елеазара, начиная съ Садока (1 Цар. 2, 26 г. 35). Съ тѣхъ поръ, такъ какъ въ слѣдствіе перенесенія ковчега завѣта изъ скинии и помѣщенія его на Сіонѣ, существовали два священника, было и два первосвященника (2 Сам. 8, 17. 15, 24. 35. 17, 15. 1 Пар. 15. 11) ³⁾.—Потомки Садока владѣли этимъ саномъ до плѣна; даже упомянутые въ маккавейскомъ періодѣ первосвященники, Іонаѳанъ и Симонъ, названные Тассисами, сыновья свя-

щенника Маттаеи (1 Макк. 10, 20 gg. 14, 35. 41 ср. съ 2, 1—5) изъ священническаго рода Иоарива принадлежали къ скинии Елеазара, какъ это ясно видно изъ 1 Пар. 24, 7 ср. съ 2 ст. ⁴), хотя уже во время правленія Иуды Маккавея сирійцы (1 Макк. 7. 5 и дал. 14) пытались прервать законное преемство чрезъ опредѣленіе Алкима, хотя принадлежавшаго къ потомству Аарона, но не происходившаго отъ Елеазара ⁵). Только тираниа Ирода Великаго уничтожила законный порядокъ, такъ какъ онъ переносилъ этотъ высокій санъ и на обыкновенныхъ священниковъ, поставлялъ и отставлялъ первосвященниковъ по собственному произволу ⁶).

¹) Ср. совершенно пустыя и невѣроятныя догадки раввиновъ на это у Сельдена, *de success. in pontif.* I, с. 2.

²) За Илиемъ слѣдовалъ его внукъ Ахитувъ, за нимъ сынъ его Ахія (1 Сам. 14, 3), за нимъ его братъ Ахимелехъ (1 Цар. 21, 2 g.), который въ 1 Цар. 24, 3 называется потомкомъ Иоамара, а за этимъ его сынъ Авиаоаръ (1 Сам. 22, 20). Ср. мой коммент. на 1 Цар. 2, 27.

³) Ср. мой коммен. на 1 Цар. 1. 8.

⁴) Если Сельденъ 1, с. р. 152 sg. замѣчаетъ: *Utrum vero classis Iojaribi (e qua Hasmonaei adeoque Indas iste) fuerit ex Eleazaridis an ex Ithamaridis, non satis liquet. Nam etsi in XXIV classium sacerdotalium distributione Iojaribi classis primum obtinet locum, ut videre est 1 Paralip 24, 7, id tamen sorti duntaxat, non Eleazaridum dignitati debere ajunt Ebraei*,—то онъ надлежащимъ образомъ не обратилъ вниманія на 6 ст., такъ какъ по этому стиху, для опредѣленія священническихъ классовъ, поочередно вынимались жребіи для обоихъ родовъ—для рода Елеазара и для рода Иоамара, для чего имена обоихъ должны были находиться *отдѣльно*, и при бросаніи жребія начинали съ линіи Елеазара, посему первое имя (Иоаримъ), взятое изъ урны, должно было принадлежать линіи Елеазара. Ср. Берто, на 1 Цар. 24, 6

у) Ср. Сельдена 1. с р. 150 sg.

6) Ср. Иосифа, Ant. XX, 10 и специальное сочинение объ этомъ предметѣ: Сельденъ de success. in pontif. lib. 1.—Списки всѣхъ первосвященниковъ по Иосифу, Seder Olam и Chronicon paschale см. у Реланда antiq. ss. II, 2. р. 144 sgg.

Священники, называвшіеся Лев. 3, 5. 13 сыновьями Аарона или Втор. 17, 9. 18 kohenim hallevijim, были исключительно потомки Елеазара и Иеамара, и вначалѣ отправляли священническую службу, вѣроятно попеременно въ опредѣленномъ порядкѣ. Но такъ какъ, съ теченіемъ времени, они сильно увеличались, то Давидъ привелъ въ порядокъ ихъ службу (meleketh godesch hakkod schim) раздѣливъ ихъ на 24 класса (machlegoth, mischmaroth, ἐφημερίαι), 16 классовъ изъ потомковъ Елеазара, а 8 изъ потомковъ Иеамара, съ начальникомъ для каждого класса (sarej godesch, sarej haalaphim, или sarej hakkohanim, 2 Цар. 36, 14. Езр. 10, 5. ἀρχιερεῖς Матѳ. 2, 4 Ioseph Ant. XX, 7, 8 и др.); порядокъ классовъ былъ установленъ по жребію такъ какъ каждый классъ совершалъ богослуженіе въ теченіе недѣли отъ субботы до субботы (2 Цар. 11, 9. 2 Цар. 23, 4 ср. 1 Цар. 24, гдѣ перечислены всѣ 24 класса) ⁷⁾.—При раздѣленіи царства, священники и левиты отпавшихъ десяти колѣнъ перешли въ іудейское царство, такъ какъ Іеровоамъ самъ сдѣлался первосвященникомъ для служенія своимъ тельцамъ (2 Пар. 11, 12. 1 Цар. 12, 31. 13, 33), такъ что съ тѣхъ поръ левитскіе священники жили и отправляли должности только въ царствѣ іудейскомъ, т. е. только здѣсь совершали богослуженіе при храмѣ, только здѣсь были судьями, и обучали народъ закону (2 Пар. 17, 7—9). Царь Иосафатъ установилъ въ Іерусалимѣ верховное судилище изъ левитовъ, священниковъ и родоначальниковъ (2 Пар. 19, 8, и вообще доколѣ царь и народъ оставались вѣрными закону Моисея, дотолѣ священническое сословіе пользовалось

большимъ уваженіемъ, и оказывало значительное и благотворное вліяніе на развитіе еоократіи. Но съ упадкомъ царства священники погрузились въ безнравственность, идолопоклонство и идолослуженіе и всѣ пророки рѣзко обличали ихъ въ этомъ паденіи (Ос. 6, 9. Мих. 3, 11. Соф. 3, 4. Іер. 5, 31. 6, 13. Іезек. 22, 26. Мал. 2).—Послѣ построенія храма, служившіе при храмѣ священники жили въ комнатахъ пристроекъ храма, а послѣ плѣна отдѣльныя священническія фамиліи поселились въ самомъ городѣ Іерусалимѣ (Неем. 11, 10 gg.).

⁷⁾ Также отдѣльныя періодическія занятія были разложены по жребію (ср. Лук. 1, 9. Mischn. Ioma II, 3 sgg. и тракт. Tamid, у Лигтгоота *hogaе hebr. ad* Лук. 1, 9), для чего по свидѣтельству талмуда при храмѣ былъ *praefectus sortium*, *начальникъ жребіевъ*. Mischna Schek. 5, 1.

Наконецъ служеніе *левитовъ*, состоявшее во время странствованія въ пустынѣ по опредѣленію Моисея только въ переносеніи скинии, точнѣе было опредѣлено Давидомъ. Уже по сооруженіи священной палатки для ковчега завѣта на Сіонѣ, Давидъ поручилъ Асафу и его пѣвцамъ и музыкантамъ исполненіе въ ней псалмовъ, а Говедъ-эдому, сыну Идуеуна и Хосу—стражу ея, между тѣмъ какъ Эманъ и Идуеунъ съ ихъ музыкальнымъ хоромъ поставлены подъ управленіемъ священника Цадока для священнаго пѣнія и музыки, а сыновья Идуеуна привратниками при скинии въ Гаваонѣ (1 Пар. 16, 37—42). Позже, при переходѣ царства въ Соломону, левиты были перечислены (1 Пар. 23), и изъ 38,000 мужей 30 лѣтъ и выше, входившихъ въ это число ⁸⁾, 24,000 назначено было для отправленія дѣлъ въ домъ Іеговы, т. е., для смотрѣнія за всѣми святилищными сосудами подъ руками священниковъ (ст. 4. 28 g.), 6000—въ писцы и судьи, 4000—въ стражи воротъ и 4000 для священной музыки (ст. 4. 5). Далѣе, 24000 левитовъ назначенныхъ для служенія святилищу Давидъ раздѣлилъ по жребію на 24

класса, описанных 1 Пар. 23, 6—24 ср. 24, 20—31, въ отношеніяхъ ихъ частію къ пачальникамъ (*gachej haaboth*), частію къ семействамъ *beth — aboth*. Также пѣвцы и музыканты, изъ коихъ 288 занимались пѣніемъ подъ управленіемъ Асафа, Еоана или Идуеума и Емана, раздѣлены были на 24 класса и чреды ихъ опредѣлены были по жребію (1 Пар. 25). Равнымъ образомъ привратники, надзиратели надъ сокровищами и тѣ, кои назначены были въ суды, раздѣлены были на классы и ихъ служба и занятія опредѣлены по жребію (1 Пар. 26).—Эти классы различались по своимъ должностнымъ дѣламъ указаннымъ образомъ до царя Агриппы II, который ввелъ въ нихъ нѣкоторыя перемѣны (Joseph. Ant. XX, 9, 6). Въ царствованіе этого государя левиты—музыканты достигли того, что могли одѣваться въ священническія одежды (Joseph. 1 с.), между тѣмъ какъ при освященіи Соломонова храма они являются только въ кафтанахъ изъ виссона (2 Пар. 5, 12) и вообще въ древнее время не имѣли никакого форменнаго платья.

⁸ Ср. 2 Пар. 23, 3. Напротивъ по 24 ст. они опредѣлялись на службу съ 20 лѣтъ.

Въ болѣе трудныхъ, черныхъ работахъ, левитамъ, съ теченіемъ времени, помогали *рабы, принадлежавшіе храму*. Уже Иисусъ Навинъ поставилъ гаваонитянъ дровосѣками и водоносами святилища (Нав. 9, 21). Позже Давидъ и другіе цари подарили святилищу для подобныхъ работъ особенныхъ людей (Ездр. 8, 20), вѣроятно плѣнниковъ, сдѣлавшихся прозелитами, которые въ сочиненіяхъ писанныхъ послѣ плана называются *нетенимами* (*nethenim donati, Deo dati* 1 Пар. 9, 2. Ездр. 2, 43. 7, 7. Неем. 7, 46), у Іосифа *ἱερὸδοῦλοι*; жили они частію въ Іерусалимѣ (Неем. 3, 26. 31. 11, 21), частію въ левитскихъ городахъ (Ездр. 2, 70. Неем. 7, 73) и въ книгѣ Ездры 2, 58 и

въ книгѣ Нееміи 7, 60. 11, 3 сопоставляются съ слугами Соломона, служившими при храмѣ ⁹⁾).

⁹⁾ Ср. Винера, Р. W. II, стр. 148 sgg.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Б о г о с л у ж е б н ы я д ѣ й с т в і я.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ЖЕРТВЫ.

§ 39. Жертвы до Моисея.

Начало жертвъ восходитъ къ первобытнымъ временамъ человѣческаго рода. Мы находимъ ихъ у всѣхъ древнихъ народовъ съ незапамятныхъ временъ, и уже сыновья прародителей приносятъ Богу жертвы *minchah* Быт. 4, 3 sgg., Каинъ отъ плодовъ земли, которую онъ воздѣлывалъ, Авель отъ тука первенцевъ стадъ, которыя онъ разводилъ. Ной послѣ потопа благодарить Бога за свое спасеніе принесеніемъ всесоженій отъ всякаго чистаго скота и отъ всякой птицы на жертвенникѣ, построенномъ имъ для этого (Быт. 8, 20 g.). Равнымъ образомъ, патриархи сооружали жертвенники на мѣстахъ богоявленія, для принесенія жертвъ и для призванія имени Іеговы (Быт. 12, 7 g. 13, 4. 18. 26, 25. 31, 54. 33, 20. 35, 7. 46, 1). Хотя не видно, чтобы жертвы были установлены положительною божественною заповѣдію, но ихъ нельзя считать потому человѣческимъ изобрѣтеніемъ ¹⁾, что онѣ были основанными на идеѣ искупленія *выраженіями* *человѣческой природы Богомъ настроенной* ²⁾, необходимымъ обнаруженіемъ вѣры, благодаренія и любви человѣка, сотвореннаго по образу Божію, къ своему Творцу, хранителю и подателю всѣхъ благъ ³⁾.